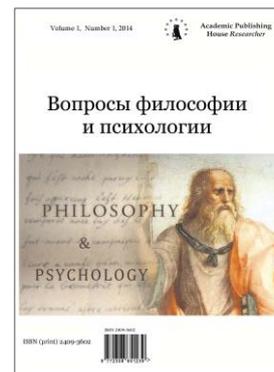

Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Voprosy filosofii i psikhologii
Has been issued since 2014.
ISSN 2409-3602
E-ISSN 2414-0856
2017, 4(1): 35-47

DOI: 10.13187/vfp.2017.1.35
www.ejournal20.com

UDC 327.5

The Theory of Political Anthropology: Between Geographical Determinism and Ethnic Psychology

Viktor M. Melnyk ^{a, *}

^a Kyiv National University named after Taras Shevchenko, Kyiv, Ukraine

Abstract

The article analyses theoretical and methodological basis for research in the field of political anthropology. The author offers his own concept of the theoretical design of this specific discipline. There is offered for the first time a comprehensive integrative understanding of the political anthropology on the basis of synthetic generalization methods of political science, psychology, sociology, linguistics, socio-cultural anthropology and economics. The author's vision of this unique synthetic generalization is based on a high evaluation of the role of political tradition. For V.M. Melnyk, the main subject of political anthropology — is the role of psychological traditions of the historical process in the development of modern political culture. For the author of political anthropology is the science about tradition and its implementation in the process of political activity. Viktor Melnyk highlights the three sections of the political anthropology: political anthropology of state organisms, the political anthropology of ethnic organisms and the political anthropology of law. The author believes that his approach will allow to interpret political anthropology not only as a promising area of research, but also as a powerful ideological ground.

Keywords: political anthropology, political science, political tradition, political culture, political psychology, political technology, public policy, political history, ethnogenesis, traditionalism, geopolitics, Ukraine.

Политическая антропология как проект и идеология. Задача современной политической науки заключается в создании надежной парадигмы для успешного функционирования каждого отдельного государства. Политология — это не только контекстуальный анализ политических практик настоящего, но и принципиально новый подход к системному мышлению. Цель политической науки — положительное обоснование государства и систематизация опыта государственников.

Политология должна всегда быть направлена на обеспечение интересов конкретного государства, а не политических партий или отдельных личностей. В этом контексте, политология зависима от юриспруденции. Право всегда сопровождает политику. Именно сфера публичного права дает нам лучший материал для политологического анализа, обобщений и выводов. Это касается также истории. Политика и история — непрерывные процессы, важной точкой соприкосновения которых есть право.

* Corresponding author
E-mail addresses: melnyk_science@mail.ru (V.M. Melnyk)

Базовой особенностью современной политической науки является конфликт между институциональным и антропологическим подходами. При этом, в современной постсоветской политологии доминирует институциональный подход, что продиктовано усилением научного влияния англосаксонских школ. Современный институционализм является следствием глубокого интереса западноевропейских ученых XIX-XX веков к позитивизму и материализму. Его особенность заключается в отождествлении политической деятельности и политических институтов. К последним относят государственные учреждения, политические партии. Сегодня принято добавлять в перечень политических институтов также и гражданское общество. Очевидно, что в рамках этой концепции политологов интересует, прежде всего, связь политических институтов между собой. Эта связь и признается политической деятельностью.

Антропологический подход стоит на других позициях. Для него важна не связь между институтами, а прямое взаимодействие государства и человека. Психологический, культурологический и духовный факторы играют здесь первую скрипку. Суть "антропологичности" в целом состоит в человекоцентричности. Это означает, что политический процесс, прежде всего, характеризуется как положительное или отрицательное решение человеческих проблем.

Мы не просто подчеркиваем значимость антропологического подхода, но видим своей задачей подготовить условия для объединения двух подходов в одну теоретико-методологическую систему, которая будет работать прежде всего на благо государства и человека. Для этого нам нужно перейти на платформу политической антропологии, одинаково важной как для политической науки, так и для ряда наук юридических – теории государства и права, конституционного права.

Политическая антропология имеет многоаспектный характер. Она основывается на многих идейно-философских платформах и не может зависеть от конкретной эволюции одного направления. *Мы предлагаем определить политическую антропологию как учение об идейном и идеологическом развитии традиционных форм политического устройства в историческом процессе, которые имеют непосредственное отношение к современному состоянию политической практики на уровне этноса и государства. Политическая антропология предлагает рассматривать этнос неотъемлемо от государства. При этом государство выходит на первое место в политико-антропологическом дискурсе.*

Политическая антропология – это одновременно учение, метод и состояние. Жорж Баландье писал: "Политическая антропология выступает одновременно как проект – весьма древний, но всегда актуальный, – и как специализация антропологического исследования, которая возникла довольно поздно. В качестве проекта она обеспечивает преодоление границ, присущих партикулярному опыту и отдельным политическим доктринам. Таким образом, она стремится заложить основы науки о политическом, рассматривая человека в форме homo politicus и ища свойства, общие для всего исторического и географического разнообразия политических организаций (обществ)" [1, с. 13]. Политическая антропология как проект позволяет нам говорить о возможности создания синтетического знания. Например, И. Циглер называет политическую антропологию "компаративным исследованием форм бытия и типов политической организации в сегодняшнем мире". *Исследование современности всегда предполагает изучение исторического процесса и географического контекста.* Итак, то, что Ж. Баландье называет проектом, можно определить как философскую доктрину.

Политическая антропология – это доктрина положительного или отрицательного взаимодействия человека и традиции, непрерывно сопровождающая жизнь этносов и государств. Главная универсальная ценность политической антропологии – человек. В свою очередь, политическая антропология не может сама быть использована как универсальная доктрина для всех народов и стран. Ее сущность и специфика как раз и заключается в абсолютной контекстуализации. Так, политико-антропологическая характеристика украинского этноса будет кардинально отличаться от такой же характеристики итальянского этноса. Однако методологический инструментарий будет подобным. Каждому политическому антропологу необходимо руководствоваться в своих исследованиях определенной схемой. Отталкиваться нужно от человека. Сообщества людей образуются в результате неповторимого влияния на жизнедеятельность отдельных индивидов

совокупности климато-географических факторов. Географическая детерминация общественной жизни вызывает формирование общего экономического базиса (выражаясь языком марксистов). Однако закрепление этого базиса происходит путем выработки единого мировоззрения и в дальнейшем – ментальности. Так появляется этническая психология. Она является главной предпосылкой формирования этнических общностей. Этническая психология эволюционирует на генетическом уровне из-за постоянного совершенствования и наследования комплекса традиций. Существуют положительные традиции – те, что приводят к огосударствлению этноса и негативные традиции – препятствующие нормальному функционированию государства. Исследование положительных и отрицательных традиций в историческом разрезе и их выделение в современной политической жизни каждого отдельного этнического организма и является *доктринальной задачей политической антропологии*.

Цель этого учения имеет практический характер. Политическая антропология должна развиваться научно для воплощения своих принципов в будущей политической деятельности. Главной целью практического воплощения теоретических наработок антропологии, на наш взгляд, является выделение и устранение негативных традиций этнополитической жизни и максимальное усиление традиций положительных. В этом контексте, политическая антропология сможет перейти из сферы доктринальной в сферу идеологическую.

Итак, расшифровывая понятие "проекта" Ж. Баландые мы можем назвать политическую антропологию одновременно "научным проектом", "доктринальным проектом" и "идеологическим проектом".

С научной точки зрения, политическая антропология как учение выступает составной частью социально-культурной антропологии. Мы предлагали определять ее как "субдисциплину социокультурной антропологии". Ж. Баландые также писал, что "политическая антропология – достаточно поздно сформированная отрасль антропологии социальной" [1, с. 11]. Вместе с тем, правильно относить политическую антропологию к научной сфере политологии. В любом случае, мы можем ее назвать "учением". Это понятие, на наш взгляд, будет наиболее подходящим.

С доктринальной точки зрения, политическая антропология как учение приобретает парадигмальный характер. Она превращается в философское направление, охватывающее мышления и мировоззрение ученого. Доктринальное применение этого учения переходит в идейно-политическую плоскость традиционализма и становится для последнего лучшей научной почвой.

С идеологической точки зрения, политическая антропология питает не политические идеи, а государственнострительную практику. Главная цель политической антропологии и как учения, и как доктрины – практиковать управления государством или же *практиковать государство*. В перспективе, политическая антропология сможет превратиться в модель государственного управления.

Итак, предложенный нами проект – переход от познания к созиданию, трансформация теории в практику. Пользуясь утопическими категориями, мы можем назвать политическую антропологию проектом управления нашей историей. В свою очередь, Ж. Баландые называет политическую антропологию "новым политическим прочтением наших собственных обществ" [1, с. 7].

Говоря о политической антропологии как проекте, Ж. Баландые писал: "В этом смысле она присутствует уже в Политике Аристотеля, который рассматривает человеческое существо как существо естественно политическое, но имеет целью скорее открытие закона, чем определение лучшего мыслимого устройства для любой возможной государства" [1, с. 13]. Важно учитывать, что закон как юридическая форма и традиционное содержание выполняет очень важную роль в становлении государства. Еще Аристотель понимал необходимость обычного права. Оно служит неисчерпаемым источником государственной традиции. Важным аспектом исследования традиций, в том числе традиций взаимодействия человека и государства, является анализ внешних атрибутов. Р. Лави называет такие внешние проявления политического – репрезентацией. Ж. Баландые называет их политической антропологией как специализацией.

Так или иначе, но политическая антропология и до сих пор остается именно проектом, ждет своей реализации. Исследования и контекстуализация политической антропологии каждого отдельного этнического или государственного организма является неотложным требованием времени.

Все вышесказанное по поводу определения политической антропологии, ее научного содержания и методологической сущности приводит нас к возможности ее идеологической интерпретации. Каждый этнос, с позиций собственной положительной традиции, опираясь на политическую антропологию, может разработать свою неповторимую идеологию государства и плановую стратегию государственного управления. Такие идеологию и стратегию мы для удобства назовем одним термином – "традиционализм".

Мы не видим ничего плохого в научном обосновании политических идеологий. Обвинения в структурном соответствии марксизму-ленинизму можно спокойно отбросить на основании многих других примеров действительно удачного функционирования системы государственного управления в тесной взаимосвязи с определенными философскими системами. Наиболее яркий этноисторический материал по этому поводу, на наш взгляд, содержится в трудах Л. Н. Гумилева – "Древняя Русь и Великая Степь", "Этногенез и биосфера Земли", "География этноса в исторический период". Такими примерами мы можем считать Китай – Среднее царство с его использованием философской системы конфуцианства в государственном менеджменте, Персидскую империю на различных этапах ее развития с постоянными философско-мировоззренческими трансформациями зороастризма и митраизма, Индию с ее агрессивным индуизмом. В любом случае, современные Китай, Индия и Иран содержат в своей сущности древнейшие в мировой истории традиции государственности, неповторимые правовые системы и продолжают успешно творить свои цивилизации независимо от тенденций вестернизации и глобализации [12, 13].

Доктрина конфуцианства в синтезе с капитализмом и социализмом продолжает обеспечивать Китаю его отдельный и очень успешный цивилизационный путь. Международно-правовой стороне этого явления мы посвятили отдельную статью в украинском журнале "Хозяйство и право" [25, с. 56-60]. Почему же нам не взять пример с такой тяги к возвышению собственной цивилизации? Исследуя политическую антропологию, мы заботимся, прежде всего, о выработке собственного украинского (или же российского, евразийского) политического и геополитического пути. Для этого нам нужно исследовать и проанализировать базовые традиции евразийских государств и их социально-психологическое отражение в политических процессах современности.

Три раздела политической антропологии. Имея опыт политико-антропологического анализа Скифской и Сарматской государственности (смотрите нашу статью в соавторстве с проф. Ф.М. Кирилюком на страницах 112-го выпуска журнала "Гилея"), отметим, что собственно украинское государство начинается не в контексте начала украинской этнической истории (как и государство российское), а после создания первого политического объединения с украинским лицом. Первым таким государством стала Киевская Русь.

Итак, когда речь идет об анализе примера Киевской Руси, то его следует понимать как политическую антропологию этнического организма, тогда как Киевская Русь, Галицко-Волынское княжество, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитая, Войско Запорожское, украинские государственные формирования XX-XXI века (Украинская Народная Республика, Западно-Украинская Народная Республика, Крымская Народная Республика, Гуцульская республика, Карпатская Украина, Украинское Самостоятельное Соборное Государство, Украинская Советская Социалистическая Республика, независимая Украина) выступают объектами политической антропологии государственного организма. Отдельную природу имеет юриспруденция, выступающая исследовательским объектом политической антропологии права.

Таким образом, на примере общей схемы украинской истории (как примера истории одного из евразийских государств) мы можем выделить три базовые парадигмы-главы политической антропологии: 1) *политическая антропология этнических организмов*; 2) *политическая антропология государственных организмов*; 3) *политическая антропология права*. Восприятие политической антропологии как идеологического,

иерархического и психологизированного учения о наследственно-генетической передаче и современном отражении традиционных форм политического и юридического устройства позволяет как социокультурным антропологам, так и политологам анализировать как конкретные данные психологической истории этнического организма, так и памятники историософии и историографии той или иной народности, нации, фокусируя внимание на синтетическом обобщении взглядов историков, философов, политологов. Безусловно, что осуществление такого объемного синтеза может быть обеспечено только перекрестным использованием данных и методов всех имеющихся гуманитарных наук. Если речь идет о спектре наук антропологических, то теоретические истоки и фактический материал для наших обобщений следует искать в структуре исторической и юридической антропологии. В этом контексте, мы видим четкое проявление интегративного характера науки о человеке.

Соотношение политической антропологии и антропологии права заслуживает отдельного монографического освещения. Оба учения находятся в тесном взаимодействии друг с другом и сосредотачивают свое внимание на одинаковых категориях – "государство", "этнос", "традиция". Однако, для антропологии права, на наш взгляд, более присущим является изучение обычного права в его этнопсихологической эволюции. Например, психологическая трансформация применения норм обычного права при принятии русичами христианства в эпоху Киевской Руси, является проблематикой антропоправовой, тогда как влияние христианства на эволюцию политического строя Киевской Руси – политико-антропологическая тема. Юридическая антропология изучает психологическое развитие морально-правовой аксиологии и обычное право как прообраз гражданских, аграрно-имущественных и хозяйственных правоотношений. Антропология права исследует этнопсихологические и социоморальные истоки частного права, тогда как политическая антропология есть учение о политическом устройстве и публичном праве. В любом случае, политическая антропология имеет огромное значение для юриспруденции. Мы неоднократно подчеркивали, что анализ традиционных форм политического устройства является неотъемлемой составляющей историко-генетического подхода к толкованию публичного права. В рамках нашего утверждения заслуживают на научное выделение три новые исследовательские проблематики: 1) политическая антропология конституционного права; 2) политическая антропология административного права; 3) политическая антропология международного права. Эти проблематики должны стать структурными подразделениями политической антропологии права – третьей базовой парадигмы исследуемого нами учения [22 с. 141-142].

Схема политико-антропологических исследований должна базироваться на актуальности и идеологической обоснованности избранной тематики. В любом случае, политическая антропология опирается на опыт цивилизационной историософии. Изучая политическую антропологию украинского этноса, украинского государства или украинского права мы должны вникнуть в общий ход событий – логику исторического процесса на геополитическом уровне.

Таким образом, можем обобщить теоретико-методологическую базу политической антропологии. Последняя, как одновременно политологическое и социокультурно-антропологическое учение, изучает наследственно-генетическую трансформацию традиции как системного основания политической культуры этноса и государства. Политическая антропология углубляется в исторический процесс и именно в нем ищет базу для своих выводов. Для того, чтобы выявить характер привлечения этнопсихологических традиций в современной политической жизни, нам нужно комплексно проанализировать этническую историю, этногенез, психологическую и политическую историю.

Три базовые парадигмы политической антропологии (политическая антропология этнических организмов, политическая антропология государственных организмов, политическая антропология права) изучают исторический процесс. Итак, *политическая антропология есть учение о взаимосвязи исторического процесса и современности, цель которого – проектирование будущего.*

Геополитическая методология: между геолого-географическим детерминизмом и этнической психологией. Как мы уже отмечали, изучение исторического процесса политическими антропологами должно стать геополитически ориентированным. В статье "Геополитика мирового конституционализма", мы уже

подчеркнули определяющую роль этнопсихологических традиций для геополитики. Мы построили следующую схему: традиция определяет культурно-цивилизационную обособленность или интеграцию исследуемого этноса, тогда как характер вовлеченности традиционализма в процесс строительства государства формирует принципы геополитической ориентации страны [24, с. 46]. Так появляется цивилизационная конъюнктура системы международных отношений.

Современная геополитика требует политической антропологии. Именно на политико-антропологическом анализе могут базироваться современные геополитические обобщения и цивилизационные закономерности эволюции международных отношений. Политическую антропологию, в свою очередь, мы можем назвать геополитически детерминированным учением. При этом, следует подчеркнуть, что любые попытки построить конкретную схему исторического процесса имеют геополитическую предопределенность. Геополитика базируется на двух составляющих: теории географического детерминизма и природно-географической концепции. Антрополандшафтный подход Л. Н. Гумилева позволяет нам объединить эти составляющие в единый биосферный фактор политической антропологии.

Лев Гумилев характеризует понятие "биосфера" следующим образом: "Биосфера – термин, введенный в науку В. И. Вернадским, означает одну из оболочек Земли, включающую в себя кроме совокупности живых организмов все плоды их прежней жизнедеятельности: почву, осадочные породы, свободный кислород атмосферу. Таким образом, установленные связи этногенеза с биохимическими процессами биосферы не биологизм, как считают некоторые мои оппоненты, а скорее "географизм", хотя и такой "ярлык" вряд ли тактичный, ведь все, что есть на поверхности Земли, так или иначе входит в сферу географии – или физической или экономической, или исторической" [13, с. 22].

Человек – объект географических исследований как дихотомический субъект и объект биосферы. Биосфера Земли базируется на существовании мозаики геоландшафтов. Многообразие геоландшафтов формирует отдельные по своей географической среде человеческие сообщества. Так происходит зарождение социальной жизни. Под влиянием климато-географических факторов новорожденные племена – человеческие общества превращаются в специфический слой биосферы – антрополандшафт. Геологическая роль антрополандшафта огромна. Человеческие сообщества осуществляют геологические перевороты малого масштаба. Именно на этом этапе антрополандшафт превращается в мозаику (аналогичную геоландшафту) под названием этноландшафт.

Л.С. Берг дает следующее определение ландшафта: "участок земной поверхности, качественно отличающийся от других участков, окруженный природными границами, представляющий особую целостную и взаимообусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типично выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой" [3, с. 455]. Л.С. Берг, выдающийся географ, яркий представитель географического детерминизма XX века, стал основателем хрономического принципа эволюции. По сути, Л. С. Берг вдохнул новые силы в эволюционную биологию, связывая ее напрямую с достижениями социологии. Он подчеркивал: "Географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя всех особей варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы. Те виды, что в состоянии приспособиться, должны переселиться на другой географический ландшафт или вымереть" [3, с. 180-181]. Приведенная цитата наиболее ярко характеризует хрономический принцип Л. С. Берга.

Согласно Бергу, человеческая жизнедеятельность является процессом перманентного приспособления. Соматическая адаптация человека может быть физиологической (на индивидуальном уровне), биологической (на видовом уровне) и генетической (на наследственном уровне). Психическая адаптация человека является результатом индивидуальной, коллективной и также генетической адаптации. Психосоматический адаптационный комплекс сочетает политическую антропологию с медицинской (клинической) психологией. Для политической антропологии чрезвычайно важным фактором является адаптация человека к определенной культуре, адаптация индивида в этноландшафте. По сути, процесс политической деятельности также имеет все признаки

состояния перманентной адаптации к новой действительности. Эволюция заставляет каждого из нас постоянно адаптироваться. Адаптация означает не только влияние климато-географических факторов на жизнь человека, но и влияние человека на природу. Л.Н. Гумилев отмечал, что ставить вопрос нужно "не только как влияет географическая среда на людей, но и в какой степени люди являются составной частью той оболочки Земли, которая сейчас именуется биосферой" [13, с. 30].

Восприятие хрономического принципа Л. С. Берга стало характерной чертой и для известного российского историка, философа, теоретика евразийства Г. В. Вернадского. Последний превратил хрономический принцип в собственную концепцию "месторазвития", которая была привязана к Евразии как цивилизационной целостности. Вернадский пишет: "Не случайна связь народа с государством, которое этот народ организует, и с пространством, которое этот народ осваивает, с его месторазвитием" [6, с. 5]. Главными элементами исторического процесса вообще Г. Вернадский называет: "а) степень давления народности на окружающую среду; б) степень сопротивления, что противопоставляется народности окружающей средой" [6, с. 6]. Основа его политико-географического анализа охарактеризована следующим образом: "Под месторазвитием человеческих обществ мы понимаем определенную географическую среду, накладывающую отпечаток своих особенностей на человеческое общежитие, которое развивается в этой среде. Социально-историческая среда и географическая обстановка сливаются в одно целое, взаимно влияя друг на друга. В разные исторические периоды и при разных степенях культуры человеческих обществ разная совокупность социально-исторических и географических признаков образует различные месторазвития в пределах той же географической территории» [6, с. 10].

Лев Гумилев подчеркивает: "Поскольку все явления этногенеза происходят на поверхности Земли в тех или иных географических условиях, то обязательно возникает вопрос о роли ландшафта как фактора, предоставляющего экономические возможности природно оформленным человеческим коллективам – этносам. Однако сочетание истории с географией для нашей проблемы недостаточно, так как речь идет о живых организмах, которые, как известно, всегда находятся либо в состоянии эволюции, или инволюции, или мономорфизма (внутривидовой стабильности) и взаимодействуют с другими живыми организмами, образуя такие сообщества как геобиоценоз" [13, с. 28]. Поэтому, говоря о этноландшафте как специфическом месте конкретного этноса в биосфере, мы должны принять и природное определение этноса и этногенеза, которое было предложено Гумилевым: "этнос – специфическая форма существования вида *Homo sapiens*, а этногенез – локальный вариант внутривидового формообразования, определяющийся сочетанием исторического и хрономического (ландшафтного) факторов" [13, с. 28].

Геологическая функция человека проявляется только в коллективной жизнедеятельности. Геологические преобразования человеком окружающей среды возможны только при условии построения социальной жизни. Таким образом, социализация человека зависит от необходимости осуществления последней геологической функции. Так, под давлением геологической функции и климато-географических факторов возникает психология. Речь идет изначально о коллективной психологии племени, раннего социального объединения. Характер биосферного взаимодействия между ранними социальными объединениями и перекрестными геолого-географическими трансформациями приводит к дифференциации первобытного человечества на основе коллективно-психологических различий. Так возникают племена, которые продуцируют собственную, неповторимую социальную психологию. Наличие неповторимой социальной психологии приводит к появлению этноландшафтов. Человек первобытный превращается в человека этнического.

Первые исследования в области политической антропологии (того же Жоржа Баланжье) демонстрируют нам, что ученые шли вообще по правильному пути. В середине XX века политическую антропологию было принято понимать как этнодетерминированное учение о политическом мышлении и традициях первобытных культур. Антропологи XX века искали истоки современности в первобытнообщинном строе, обращая свое внимание преимущественно на племена Африки, Австралии и Океании. Эти племена в большинстве своем остались на этапе перехода между человеком первобытным и человеком этническим.

Они являются носителями детерминированной геолого-географически социальной психологии, но еще не выступают продуцентами этнической психологии. Этот переход от социальной психологии к психологии этнической стал моментом рождения этносов и моментом закрепления за последними конкретной природной среды – этноландшафтов.

Л.Н. Гумилев писал: "Исследования, посвященные установлению функциональной связи явлений физической географии и палеоэтнологии на материале истории Центральной Азии и археологии низовьев Волги, позволили сделать три вывода. 1. Историческая судьба этноса, является результатом его деятельности, она непосредственно связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта. 2. Археологическая культура данного этноса, представляющая собой кристаллизованный след его исторической судьбы, отражает палеогеографическое состояние ландшафта в эпоху, которая подвергается абсолютной датировке. 3. Сочетание исторических и археологических материалов позволяет судить о характере данного вмещающего ландшафта в ту или иную эпоху, соответственно, и о характере его изменений" [13, с. 24].

Социальная психология первобытных людей содержит лишь намек на современную систему политической самоорганизации. Однако, именно на этапе первобытнообщинного строя были заложены векторы эволюции политической культуры для каждого отдельного этноса. Переход от племенного мышления к этнической (главным образом, этноландшафтной) самоидентификации обусловил необходимость государственного строительства. Итак, государство – это продукт этнической психологии. Какие особенности конкретной этнической психологии, такой и формат развития государственного организма. Особенность этноландшафта как раз и заключается в дифференциации племен в качестве раннегосударственных объединений. Такие объединения и военно-политические союзы постепенно выделяют в системе этнической психологии психологию политическую (уже на сознательном уровне). В момент появления политической психологии как составной части этнического мировоззрения, можно говорить о завершении этногенетического перехода от "племени" к "этносу" [2, 14, 15].

Этнос является категорией природной, важной частью биосферы. Сформированный этнос отличается от племени наличием структурированной на сознательном и подсознательном уровнях этнической психологии с выделенной политической психологией. Под влиянием системы мифорелигиозного мировоззрения, тесно привязанного к определенному этноландшафту, возникает государственная организация. Формирование государства в современном понимании этого слова завершается на этапе взаимоотношения религиозного и юридического самосознания. Правосознание и обычное право являются производными категориями мифорелигиозного мировоззрения. Их дифференциация манифестирует рождение государства [7, 8].

Государство – отражение этноландшафта. Появление государства направляет процесс этногенеза в продуктивное русло экономического развития. Для государственной самоорганизации этноса характерны появление экономической и юридической психологий. Именно в лоне последних заканчивается период создания политической культуры. *В момент появления целостной, системной, опертой на религию и право, политической культуры этнос превращается в народность.*

Экономическая психология – базовая предпосылка прохождения этноса на новую стадию этногенеза. Экономическое развитие также является детерминированным географически. Фактор экономических связей на фоне определенного геоландшафта служит важным фактором в процессе формирования как племени, так и этноса. Однако переход естественной человеческой общности от этноса к нации означает социальную структурированность последней. Классовое деление выступает основой народности. Именно в русле классового деления народности протекает появление новой психологии – гражданской [21, 22, 23].

Гражданская самоидентификация, осознание этнофорами (носителями этнической идентичности) себя как членов гражданского сообщества являются важнейшими факторами для перехода процесса государственного строительства на качественно новый уровень. Государства становятся национальными. Гражданское мировоззрение превращает народность в нацию [16]. Так достигается наивысший природный уровень этногенеза.

При построении собственного национального государства и оформлении на базе этого государства нации возникает сверхсложная задача перед политикой. Исторический процесс циклический и фазовый. После фазы наивысшего подъема всегда наступает фаза падения. С точки зрения биологической эволюции и учение о биосфере эта гипотеза наиболее удачно выведена Л.Н. Гумилевым. Перед политикой фазы подъема появляется новая цель – уберечь построенное от закономерного этапа разрушения. Эта цель и является основой практического применения политической антропологии.

Политическая антропология, как мы ее понимаем, должна быть направлена на построение национального государства и его дальнейшую трансформацию во избежание эволюционных кризисов. Этнология выделяет племена, этносы, народности и нации как этнические организмы. Политическая антропология, для успешного выполнения своей цели, должна разделить также нацию – на этнографическую и политическую. Политическая антропология предлагает идеал этногенеза – политическую нацию, что будет базироваться уже не на принципах этнической психологии, а на основе психологии государственной. Признаком политической нации – возвышение интересов государства над любыми другими интересами. Государство должно стать высшей ценностью. Именно путь от зарождения политической самоорганизации к аксиологическому возвышению государства в контексте этнической истории является развернутым предметом политической антропологии.

Определяющее значение биосферного фактора для современных эволюционно-генетических исследований в сфере политики и права мы раскрыли на XII Съезде Украинского географического общества. Так, Л. Н. Гумилев считал этнологию результатом "сочетания истории с географией" [13, с. 25]. Мы же называем политическую антропологию "сочетанием политологии с географией". Методологическая база такой функции и роли политической антропологии, на наш взгляд, была заложена П. М. Савицким в статье "Геополитические заметки по русской истории» [6, с. 292-331]. Вышеназванная работа анализирует конкретное соотношение между географической средой и государственными организмами в Евразии. Интересно для нас и определение Савицким геополитики: "Геополитикой называется наука о географическом распространении и географическом характере политических объединений (государств)" [6, с. 292].

Выдающийся историк С. М. Соловьев в работе "Наблюдения над исторической жизнью народов" подчеркивает: "Самый первый вопрос в истории каждого народа: где живет народ? Сильное влияние местности, ее природных условий на жизнь народа не требует дискуссий, однако, мы уже сказали, что здесь следует избегать односторонности. Если народ, особенно в своем первоначальном состоянии, сильно подчиняется естественным условиям заселенной им местности, то с постепенным развитием его духовных сил заметно обратное действие, изменение природных условий под влиянием народной деятельности (то, что мы назвали геологической функцией человеческих сообществ – В. М.): места непроходимые превращаются в проходимые, пути неудобные становятся удобными, пространство уменьшается, высыхиваются болота, редеют леса, появляются новые растения, животные, древние животные исчезают, климат меняется. Природные условия продолжают действовать, но это уже другие природные условия, на которые повлиял человек" [26, с. 6-7]. Можем сказать, что к пониманию существования антрополандшафта пришел еще С. М. Соловьев, который на самом деле вовсе не был сторонником географического детерминизма [26].

Основа этнической истории за С. М. Соловьевым – движение [26, с. 8-9]. Он пишет: "Мы сказали, что кроме влияния личной природы родоначальника (мифополитический фактор – л.В. М.) и природы страны большое количество других условий обнаруживает более или менее сильное влияние на составление образа народного. Здесь важное место занимает движение народа, или начинает народ выполнять свою историческую роль в условиях сильного движения, или история застаёт его во время длительного пребывания на одном и том же месте, без особых поползновений к движению. Движение развивает силы народа через совместное преодоление опасностей и преград, вселяет отвагу, расширяет его горизонт, производит именно такое воздействие на человеческие коллективы, которое совершает путешествие на отдельного человека, развивая его умственные силы знакомством с многообразием стран и народов" [26, с. 8-9].

Поэтому, с точки зрения геополитики для политической антропологии важное значение играют категории "месторазвитие" и "движение". Государственность этноса может

быть успешной только при условии наличия собственного постоянного месторазвития и сочетания его с перманентным движением. Именно месторазвитие и движение кооперируют между собой этнические организмы в суперэтноты (по Л.Н. Гумилеву), культурные империи (по Г.В. Вернадскому) или цивилизации (по С.М. Соловьеву). Так, сочетание месторазвития с движением на христианской основе превратило Римскую империю в западную цивилизацию – Европу, которая в дальнейшем дифференцировалась на протестантский и римско-католический миры. На сочетании византийского месторазвития (ойкумены) с движением кочевников возникла срединная цивилизация – Евразия (состоит из православно-византийского, тюркского, финно-угорского и мусульманского миров). Взаимодействие специфических месторазвитий с движениями создало такие цивилизационные силы как Китай, Индия, Персидский мир.

Интересным для политической антропологии явлением выступает наличие переходных зон между цивилизациями. Так, Украина находится на пересечении Европы и Евразии, соединяя в социальной психологии своего населения одновременно римско-католические, православные, тюркские и мусульманские влияния. Украинское месторазвитие – это перекресток цивилизаций. Итак, находясь на таком перекрестке крайцы должны осознать все выгоды своего положения. Украина и географически (своим геоландшафтом и этноландшафтом), и психологически (на уровне этнической и социальной психологий ее населения), и этногенетически (как место движения и общежития славян и тюрков) является особым государственным образованием между Европой и Азией.

Обобщение. Исходя из всего вышесказанного, мы можем, наконец, предложить целостную структуру политической антропологии:

1) Политическая антропология – это учение об идейном и идеологическом развитии традиционных форм политического устройства в историческом процессе, имеющих непосредственное отношение к современному состоянию политической практики на уровне этноса и государства. Политическая антропология – это одновременно субдисциплина политологии и социокультурной антропологии, изучающая традиционные для любого этноса и общества формы политической культуры через исследования политико-правового устройства на примере, как примитивных, так и развитых сообществ. Перекрестное применения методов политологии, социокультурной антропологии, истории, этнологии, социологии, психологии и географии позволяет политической антропологии выполнять важную функцию моделирования будущего политического процесса в определенной социоэтнической среде. Предмет политической антропологии – это генетическая передача и психологическая трансформация традиции как основы политической культуры этноса. Путь от зарождения политической самоорганизации к аксиологическому возвышению государства в контексте этнической истории является развернутым предметом политической антропологии. Объект политической антропологии – человек политический, как носитель этнической, гражданской и классовой идентичности. Политическая антропология воспринимает человека политического как психобиологическое средство дальнейшей передачи традиции.

2) Политическая антропология состоит из трех основных разделов – политической антропологии этнических организмов, политической антропологии государственных организмов и политической антропологии права. Во всех трех разделах важнейшую функцию играют геополитическая и этнопсихологическая методологии. Политическая антропология пользуется формулой "через изучение психики к проектированию политики". Исследование этнических организмов опирается на изучение психогенетического наследования политических традиций в этнической психологии. Анализ государственных организмов является отражением применения психогенетически унаследованных традиций в процессах, сопровождающих историю каждого отдельного этноса. В свою очередь, политическая антропология права имеет целью исследовать юридический традиционализм через историческое исследование публичного права.

Литература

1. Баландые Жорж. Політична антропологія. Київ: Альтерпрес, 2002. 252 с.
2. Берг Л.С. Номогенез. Петроград, 1922. 306 с.
3. Берг Л.С. Климат и жизнь. М., 1947. 196 с.

4. Брайчевський М.Ю. Суспільно-політичні рухи в Київській Русі. Вибране. Т. 1. К.: Видавництво імені Олени Теліги, 2009. 720 с.
5. Бучинский И. Е. Очерки климата Русской равнины в историческую эпоху. Л., 1957. 88 с.
6. Вернадский Г. Начертание русской истории. М.: Алгоритм, 2008. 336 с.
7. Вівчарик М.М. Україна: від етносу до нації. Київ: Вища школа, 2004. 239 с.
8. Вовк Х. Студії з української етнографії та антропології. К., 1995. 336 с.
9. Грушевський М. С. Історія України-Руси: том 1. К.: Наукова думка, 1991. 650 с.
10. Гумилев Л.Н. О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии. // Вестник Ленинградского Государственного Университета. 1970. № 24. С. 39-49.
11. Гумилев Л.Н. Биосфера и импульсы сознания. // Природа. 1978. №12. С. 97-105.
12. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Айрис-пресс, 2011. 736 с.
13. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2012. 560 с.
14. Данилюк І. Етнічна психологія як галузь наукового знання: історико-теоретичний вимір. К., 2010. 432 с.
15. Дерягина М.А. Эволюционная антропология: биологические и культурные аспекты. М., 2003. 208 с.
16. Кикешев Н.И. Истоки славянской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2016. 912 с.
17. Melnyk V.M. Political anthropology of tradition and nation (Ukrainian ethno-historical example) // "The Third International Congress on Social Sciences and Humanities". Proceedings of the Congress (15 November, 2014). (Section 6: Political science). "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2014. Pp. 146-155.
18. Мельник В.М. Новый взгляд на теорию политической антропологии. // IV Международная научно-практическая конференция: «Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени» // Национальная Ассоциация Ученых (НАУ). Ежемесячный научный журнал. Раздел «Политические науки» №4, часть 3. Екатеринбург, 2014. с. 165-167.
19. Мельник В.М. Традиціоналізм і політична антропология // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія: Історія. Філософія. Політологія. Збірник наукових праць. Одеса: Фенікс, 2014. Випуск №8. с. 123-127.
20. Melnyk V.M. Political anthropology of the evolution of ethnic organisms and the notion of nation // Міжнародна наукова конференція «Дні науки філософського факультету – 2015», 21-22 квітня 2015 року: матеріали доповідей та виступів. Частина 9. К.: «Київський університет», 2015. с. 54-56.
21. Мельник В.М. Дослідження етноцентричних ідеологічних систем у політичній антропологии // Наукова конференція «Науково-світоглядні та міждисциплінарні проблеми гуманітарного розвитку сучасного суспільства» (2 липня 2015 р.). Матеріали доповідей та виступів. К.: «Київський університет», 2015. с. 32-35.
22. Мельник В.М. Нариси з теорії соціокультурної антропологии. Вінниця: ТОВ «Вінницька міська друкарня», 2015. 552 с.
23. Мельник В.М. «Український варіант капіталізму»: аналіз і перспективи // Эко. Всероссийский экономический журнал. №3. 2016. с. 126-141.
24. Мельник В.М. Геополітика світового конституціоналізму // Міжнародна наукова конференція «Дні науки філософського факультету 2016», 20-21 квітня 2016 р.: матеріали доповідей та виступів. К.: ВПЦ «Київський університет», 2016. Частина 10. с. 45-47.
25. Мельник В.М. Нова геоетнономічна реальність: філософія китайського законодавства у сфері міжнародної торгівлі // Підприємництво, господарства і право. Науково-практичний господарсько-правовий журнал. №1 (239). 2016. с. 56-60.
26. Соловьев С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов. М.: Астрель, 2003. 511 с.
27. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2008. 1024 с.

References

1. Baland'є Zhorzh. Politichna antropologiya. Kiiv: Al'terpres, 2002. 252 s.

2. Berg L.S. Nomogenez. Petrograd, 1922. 306 s.
3. Berg L.S. Klimat i zhizn'. M., 1947. 196 s.
4. Braichevs'kii M.Yu. Suspil'no-politichni rukhi v Kiïvs'kii Rusi. Vibrane. T. 1. K.: Vidavnistvo imeni Oleni Teligi, 2009. 720 s.
5. Buchinskii I. E. Ocherki klimata Russkoi ravniny v istoricheskuyu epokhu. L., 1957. 88 s.
6. Vernadskii G. Nachertanie russkoi istorii. M.: Algoritm, 2008. 336 s.
7. Vivcharik M.M. Ukraïna: vid etnosu do natsii. Kiïv: Vishcha shkola, 2004. 239 s.
8. Vovk Kh. Studii z ukraïns'koï etnografii ta antropologii. K., 1995. 336 s.
9. Grushevs'kii M. S. Istoriya Ukraïni-Rusi: tom 1. K.: Naukova dumka, 1991. 650 s.
10. Gumilev L.N. O sootnoshenii prirody i obshchestva soglasno dannym istoricheskoi geografii i etnologii. // Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. 1970. № 24. S. 39-49.
11. Gumilev L.N. Biosfera i impul'sy soznaniya. // Priroda. 1978. №12. S. 97-105.
12. Gumilev L.N. Drevnyaya Rus' i Velikaya Step'. M.: Airis-press, 2011. 736 s.
13. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli. M.: Airis-press, 2012. 560 s.
14. Danilyuk I. Etnichna psikhologiya yak galuz' naukovoogo znannya: istoriko-teoretichnii vimir. K., 2010. 432 s.
15. Deryagina M.A. Evolyutsionaya antropologiya: biologicheskie i kul'turnye aspekty. M., 2003. 208 s.
16. Kikeshev N.I. Istoki slavyanskoi tsivilizatsii. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2016. 912 s.
17. Melnyk V.M. Political anthropology of tradition and nation (Ukrainian ethno-historical example) // "The Third International Congress on Social Sciences and Humanities". Proceedings of the Congress (15 November, 2014). (Section 6: Political science). "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2014. Pp. 146-155.
18. Mel'nik V.M. Novyi vzglyad na teoriyu politicheskoi antropologii. // IV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya: «Otechestvennaya nauka v epokhu izmenenii: postulyaty proshlogo i teorii novogo vremeni» // Natsional'naya Assotsiatsiya Uchenykh (NAU). Ezhemesyachnyi nauchnyi zhurnal. Razdel «Politicheskie nauki» №4, chast' 3. Ekaterinburg, 2014. s. 165-167.
19. Mel'nik V.M. Traditsionalizm i politichna antropologiya // Naukovii visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. Seriya: Istoriya. Filosofiya. Politologiya. Zbirnik naukovikh prats'. Odesa: Feniks, 2014. Vipusk №8. s. 123-127.
20. Melnyk V.M. Political anthropology of the evolution of ethnic organisms and the notion of nation // Mizhnarodna naukova konferentsiya «Dni nauki filosofskogo fakul'tetu – 2015», 21-22 kvitnya 2015 roku: materiali dopovidei ta vystupiv. Chastina 9. K.: «Kiïvs'kii universitet», 2015. s. 54-56.
21. Mel'nik V.M. Doslidzhennya etnotsentrichnikh ideologichnikh sistem u politichnii antropologii // Naukova konferentsiya «Naukovo-svitoglyadni ta mizhdistsiplinarni problemi gumanitarnogo rozvitku suchasnogo suspil'stva» (2 lipnya 2015 r.). Materiali dopovidei ta vystupiv. K.: «Kiïvs'kii universitet», 2015. s. 32-35.
22. Mel'nik V.M. Narisi z teorii sotsiokul'turnoi antropologii. Vinnitsya: TOV "Vinnits'ka mis'ka drukarnya", 2015. 552 s.
23. Mel'nik V.M. «Ukrainskii variant kapitalizma»: analiz i perspektivy // Eko. Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal. №3. 2016. s. 126-141.
24. Mel'nik V.M. Geopolitika svitovogo konstitutsionalizmu // Mizhnarodna naukova konferentsiya "Dni nauki filosofskogo fakul'tetu 2016", 20-21 kvitnya 2016 r.: materiali dopovidei ta vystupiv. K.: VPTs "Kiïvs'kii universitet", 2016. Chastina 10. s. 45-47.
25. Mel'nik V.M. Nova geoekonomichna real'nist': filosofiya kitais'kogo zakonodavstva u sferi mizhnarodnoi torgivli // Pidpriemnistvo, gospodarstva i pravo. Naukovo-praktichnii gospodars'ko-pravovii zhurnal. №1 (239). 2016. s. 56-60.
26. Solov'ev S.M. Nablyudeniya nad istoricheskoi zhizn'yu narodov. M.: Astrel', 2003. 511 s.
27. Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. M.: Eksmo, 2008. 1024 s.

УДК 327.5

**Теория политической антропологии:
между географическим детерминизмом и этнической психологией**Виктор Мирославович Мельник ^{а, *}^а Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев, Украина

Аннотация. Статья анализирует теоретический и методологический базис для исследований в сфере политической антропологии. Автор предлагает свою собственную концепцию теоретической конструкции этой специфической дисциплины. Впервые предложено комплексное интегративное понимание политической антропологии на основе синтетического обобщения методов политологии, психологии, социологии, лингвистики, социально-культурной антропологии и экономики. Авторское видение этого своеобразного синтетического обобщения базируется на высокой оценке роли политической традиции. Для В.М. Мельника, главный предмет политической антропологии — роль психологической традиции исторического процесса в развитии современной политической культуры. Для автора политическая антропология является наукой о традиции и её имплементации в процессе политической деятельности. Виктор Мельник выделяет три раздела политической антропологии: политическую антропологию государственных организмов, политическую антропологию этнических организмов и политическую антропологию права. Автор верит, что его подход позволит интерпретировать политическую антропологию не только как перспективное научное направление, но и как мощную идеологическую почву.

Ключевые слова: политическая антропология, политология, политическая традиция, политическая культура, политическая психология, политические технологии, публичная политика, политическая история, этногенез, традиционализм, геополитика, Украина.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: melnyk_science@mail.ru (В.М. Мельник)